

разъ вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою. По истинѣ, ты подвигомъ добрымъ подвизахся, течение скончахъ, вѣру соблюдахъ. Прочее убо соблюдается тебѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ти Господь въ день онъ праведный Судія. Уповаемъ несомнѣнно, что и ты, какъ усугубившій вѣренный тебѣ отъ Господа талантъ, услышишь отъ Него онъ сладчайшій и возжеленнѣйшій гласъ: рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю, вниди въ радость Господа твоего, радость вѣчную, нескончаемую. Не забудь тогда и насъ грѣшныхъ въ своихъ предъ Господомъ молитвахъ, какъ и мы не забудемъ тебя, дондеже есмь“.

Эта горячая рѣчь не разъ вызывала общій плачь слушателей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМА ПАЛОМНИКА.

ПИСЬМО СЪ ПУТИ ОДИНАДЦАТОЕ.

Иерусалимъ.

Русскіе паломники путешествуютъ изъ Иерусалима нерѣдко одни безъ проводниковъ, — когда въ ихъ компаніи есть мужчины бывалые и женщины, хорошо знакомыя съ палестинскими дорогами. Но мы отправлялись на р. *Иорданъ* въ такое время, когда никакой компаніи не было кромѣ насъ троихъ и одного молодаго человека изъ Курска (онъ съ Аэона не отставалъ отъ насъ). Конечно, мы должны были обезпечить себя охраною. Въ такомъ случаѣ паломниковъ выручаетъ русское консульство: оно, въ счетъ ихъ, даетъ своего вооруженнаго каваса и еще араба изъ шейховъ (начальника рода — одного изъ тѣхъ племенъ арабскихъ, которые кочуютъ около Иордана), а этотъ шейхъ, за свою порукою, нанимаетъ ослонъ и при каждомъ проводника — араба изъ своего же племени. Съ нами кавасъ былъ православный черногорецъ атлетическаго сложенія; въ глазахъ, въ каждой чертѣ его лица проглядывалъ героизмъ и вѣрность долгу. Къ нему съ перваго раза мы расположились, ара-

бовъ мы поняли въ дорогѣ; они по-русски могли говорить только: „хорошъ урусъ“. Такою то маленькою кавалькадою въ 6 часовъ вечера отправились въ путь—мы четверо на ослахъ, кавасъ на хорошемъ арабскомъ конѣ, проводники всѣ обязательно пѣшіе; шейхъ впереди всѣхъ, а кавасъ позади. Въ такомъ порядкѣ въ Палестинѣ путешествуютъ, гдѣ нѣтъ шоссеиной дороги и слѣдовательно ѣзда въ экипажѣ невозможна.

Предъ *Яфрскими* воротами мы сошли съ ословъ, желая пройти древній св. градъ, какъ ходилъ здѣсь Спаситель съ своими учениками. Изъ города вышли *Геосиманскими* (или Овчими) воротами и спустились по отлогому шоссеиному съѣзду въ долину *Иосафатову*. По ней когда-то протекалъ *Кедрский* потокъ; слѣды послѣдняго и теперь видны по крутояру, чрезъ который перекинуть мостъ, но воды давно нѣтъ. Направо за нами остались крѣпостныя стѣны около горы *Морія*; за нею къ югу, внѣ стѣнъ, *Сіонъ*, у подошвы котораго сохраняются досель жалкіе остатки *Силоамской* купели въ видѣ небольшой каменной цистерны съ родниковою водою. Здѣсь источникъ вообще сталъ рѣдкостію и составляетъ неоцѣненное сокровище, но Азія не хочетъ этого понять и содержитъ Силоамскую воду въ крайней небрежности. За русломъ потока, не далеко отъ моста, указываютъ гробницу Иосафата и близь его завершенный конусомъ гранитный памятникъ Авессалома *) и другихъ библейскихъ мужей, а выше по долинѣ разбѣяно множество простыхъ надгробныхъ камней, такъ какъ евреи и магометане считаютъ за счастье найти могилу въ долинѣ Иосафатовой. Налѣво за мостомъ зеленѣютъ масличныя деревья, между которыми указали намъ вѣковыя—на мѣстѣ, гдѣ былъ садъ Геосиманскій; тамъ ниже, какъ бы въ яминѣ, красуется небольшое, но живописное зданіе храма надъ пещерою, гдѣ была погребена Пресвятая Богоматерь.

Мы—у горы *Елеонской*. Здѣсь на каждомъ шагу, какъ

*) Онъ самъ соорудилъ его при жизни своей (2 Цар. XVIII, 18).

будто изъ земли возстають предъ нами Евангельскія событія. Хотя остался только едва замѣтный признакъ того тѣнистаго Геосиманскаго сада, гдѣ Христось любилъ пребывать и молился, но эти тощія, опаленныя отъ солнца маслины казались мнѣ прелестнѣе самаго роскошнаго сада. Невольно глазами ищешь мѣсто, гдѣ Спаситель молился до кроваваго пота, гдѣ шель къ нему Иуда предатель съ воинами. Вотъ указываютъ каменные глыбы, на которыхъ, въ часы предательства, спали ученики Христовы, а тамъ выше мѣсто вознесенія Его на небо. До самой вершины Елеона теперь голый камень, или обнаженная почва, безъ зелени; но я не отвелъ бы глазъ отъ этой горы, все смотрѣлъ бы на нее, Тутъ сильнѣе вѣрится, что Спаситель и нынѣ особенною благодатию пребываетъ на любимыхъ мѣстахъ, ради поклонниковъ Своихъ.

За потокомъ Кедрскимъ дорога наша идетъ сначала у подножія горы Елеонской, направляясь на сѣверовостокъ, а затѣмъ поднимается по склону горы *Соблазна*, названной такъ послѣ того, какъ Соломонъ допустилъ здѣсь постройку идольскихъ капищъ, ради женъ своихъ—язычницъ, и самъ увлекался идолопоклонствомъ. Вспомнился и этотъ Царь въ дивной славѣ и жалкій въ безславіи своемъ.

По дорогѣ въ сторонѣ видѣли остатки *Вивагги*, откуда начиналось торжественное шествіе Господа Иисуса во Иерусалимъ. Возможно ли пройти ее безъ вниманія! Оглядываешься и слѣдишь путь, по которому сопровождали во время оно Христа съ пальмовыми вѣтвями; вонъ—тамъ устилали путь Его одеждами; тамъ былъ восторженный кликъ Ему: «осанна Сыну Давидову!.. Осанна!» Вонъ—въ тѣ врата былъ царскій входъ Его во Иерусалимъ *).

Мы уже около *Виваніи*, гдѣ когда-то Христось находилъ

*) Врата, называемыя Златыя, въ восточной стѣнѣ крѣпости, противъ г. Морія; они задѣланы турками наглухо. Между ними (турками) живетъ по преданію убѣжденіе, что этими вратами христіанскій царь побѣдоносно вступить во Иерусалимъ.

радушный приемъ. Если представить, что долины и полугорья тутъ покрыты были зеленью и густыми садами, то Визанія дѣйствительно была прелестнымъ загороднымъ мѣстомъ. Теперь здѣсь нѣсколько арабскихъ хижинъ и между ними въ развалинахъ возвышаются остатки стѣнъ, гдѣ былъ, говорятъ, домъ Симона прокаженнаго; указали намъ мѣсто, гдѣ жилъ Лазарь съ сестрами.

Далѣе путь до самаго *Иерихона* пустынный между холмами. Горы Иудейскія высокія, но отлогія; на скатахъ ихъ слои бѣлаго камня рядами выглядываютъ изъ почвы, будто ребра, обнаженные отъ тѣла; кругомъ суровая природа: ни кустика, никакой зелени; по горамъ и долинамъ, какъ видно, была съ весны растительность, но скудная. На всемъ пути встрѣтили одинъ источникъ и тотъ содержится по-азіатски — плохо; жилищъ никакихъ нѣтъ; на полпути только есть дворъ, огороженный каменными стѣнами, гдѣ могутъ найти пріютъ въ нужное время и люди, и скоть. Но мы остановились на короткій отдыхъ далѣе отъ двора, на просторѣ, въ чистомъ полѣ. Не мало мы видѣли по дорогѣ кочующихъ арабовъ (назыв. бедуиновъ), но всѣ съ грузомъ, потому не страшны...

Ѣдемъ далѣе. Кругомъ глубокая тишина: все въ природѣ будто замерло; только слышенъ былъ топотъ нашихъ муловъ. Знойный день смѣнила ночь съ пріятной прохладой, — прелестная, чарующая ночь; мѣсяцъ намъ казался свѣтлѣе и звѣзды крупнѣе, нежели на морѣ, — будто опѣ ближе къ намъ были. Такъ чистъ воздухъ въ этой дикой пустынѣ. — Намъ хотѣлось пѣть и молиться. Слава Господу мѣнялась молитвою, молитва — славою и благодареніемъ. Самая природа въ безмолвіи какъ-бы слушала и молилась съ нами.

Къ сожалѣнію, мѣсяцъ свѣтилъ намъ не очень долго: раньше полночи наступила совершенная тьма. Мы, однако, и въ темнотѣ не встрѣчали никакихъ затрудненій; дорога и здѣсь, какъ отъ Яффы, проложена въ текущемъ году шоссейная; только чрезъ

крутояры на глубинѣ долинѣ не сдѣланы еще мосты *). Такія опасныя мѣста мы проходили пѣшкомъ.

Еще прошелъ арабскій караванъ мимо насъ.

— А что, Марко Георгиевичъ, спрашиваю каваса, если эти арабы нападутъ на насъ? Вы-то съ оружіемъ и конь лихой,—отобьетесь, а мы на осликахъ куда уйдемъ!

— Нѣтъ; они знаютъ меня. Будьте покойны. Со мною и васъ никто не обидитъ.

— Да что подѣлаешь одинъ съ такой аравой, если захотятъ. Они всѣ съ ружьями, кинжалъ или ножъ у каждаго, а у насъ одни зонтики.

— Какъ захочетъ! Онъ знаетъ, что я съ однимъ ятаганомъ пройду всѣхъ, а потомъ ускачу за солдатами; они отъ насъ не уйдутъ, и—горе имъ тогда! Турецкій солдатъ ихъ не любитъ: весь ауль найдетъ и безъ пощады истребитъ. Такъ ихъ учили; теперь они боятся каваса. Въ послѣдніе годы нѣтъ обидъ, какъ прежде бывало.

— Зачѣмъ же они всѣ вооруженные?

— Въ полѣ живутъ со всѣми дѣтьми и пожитками. Тутъ бываетъ и звѣрь, и лихой человекъ изъ ихъ же арабовъ другого племени, какъ воры. Они вездѣ есть.

— А ружья у нихъ всегда заряжены?

— Не у всѣхъ; да что ихъ ружья! Только хвораго бить. Но этотъ народъ всегда и въ городѣ съ ружьемъ, какъ мы на черной горѣ съ ятаганомъ...

Тьма непроглядная. Гдѣ идемъ, какой мѣстностію,—ничего не видно. Кто бывалъ въ такомъ положеніи въ странѣ дикой и совершенно невѣдомой, тотъ знаетъ, какое гнетущее чувство томитъ душу, какое дѣтское нетерпѣніе тогда бываетъ. Плохо, если нѣтъ впечатлѣній, нѣтъ освѣжающей работы для душевныхъ силъ; притомъ мы были крайне утомлены дорогою.

*) Только затѣмъ и не открыта въ нынѣшнее лѣто взда въ экипажахъ, что мостовъ нѣтъ; а ихъ должно быть не мало.

— Скоро будемъ въ Иерихонѣ, говоритъ кавасъ; вотъ на послѣднюю гору поднимаемся.

— А сколько верстъ прошли отъ Иерусалима?

— Около сорока верстъ. Дорога межъ горъ—не прямо идетъ, не такъ, какъ у васъ въ Россіи по равнинамъ.

— Риха! Риха! Яллъ (скоро), обратился ко мнѣ арабъ. Онъ Иерихонъ такъ называетъ, и—радъ, что увидѣлъ мѣсто отдыха.

Стало замѣтно, что мы подъ гору начали сходить, а Рихи все-таки не могли видѣть въ темнотѣ. На правой сторонѣ высоко—будто на горизонтѣ мелькалъ огонекъ, но это, оказалось, у небожителей на Сорокодневной горѣ. Да, можно назвать небожителями обитателей поднебесной горы: они тамъ—вдали отъ міра земнаго молятся день и ночь, слава Бога.—Только чрезъ полчаса достигли мы до страннопріимницы Антониновской*). Мы нашли здѣсь пріютъ и привѣтъ чисто русской. Отъ Архимандрита самъ изъ Иерусалима завѣдуетъ Домомъ и ведетъ порядки въ немъ.—Было два часа пополудни. Намъ измученнымъ нужнѣ всего была постель.

Въ 5 часовъ утра кавалькада наша выѣхала уже въ путь къ *Иордану*. При выѣздѣ могли разсмотрѣть зданіе страннопріимницы и всю окрестность его. Домъ большой, двухэтажный, весь изъ бѣлаго камня, какъ и постройки въ Палестинѣ: полы, потолки, кровля,—все каменное.—При домѣ по-русски просторный дворъ и хорошій садъ съ проточной родниковой водою. Внизу дома помѣщенія для простыхъ паломниковъ, съ отдѣленіями мужскимъ и женскимъ; вверху общая гостинная и номера, довольно приличныя, для привилегированныхъ. Тутъ же и иностранцы останавливаются съ разрѣшенія о. Архимандрита. Толь-

*) Неутомимый труженикъ Палестинскій о. Архимандритъ и здѣсь позаботился о паломникахъ: при помощи нашихъ Вел. Князей Сергія и Павла Александровичей, посѣтившихъ Св. Землю въ 1881 г., успѣлъ пріобрести участокъ земли на мѣстѣ древняго Иерихона и устроилъ тутъ Домъ для странниковъ. Прежде сего они и ночевали подъ открытымъ небомъ.

ко и есть это видное зданіе на мѣстѣ древняго Іерихона. Вблизи его деревня Риха изъ нѣсколькихъ невзрачныхъ арабскихъ хижинъ, кое-какъ сложенныхъ изъ камня. Онѣ ютятся у развалинъ, которыхъ немного осталось отъ библейскихъ временъ. — Остановлюсь на воспоминаніи объ Іерихонѣ. Видѣть нечего, а подумать о немъ хочется, смотря на мѣстность, на послѣдніе остатки древняго города.

Совершеніе литургіи «соборомъ» и въ присутствіи Архіерея.

Въ «Пастырскомъ Собесѣдникѣ» за 1889 годъ (№№ 15, 16, 17) священникъ І. Кутеновъ помѣстилъ обширную статью, подъ заглавіемъ: «Практическія указанія и разъясненія относительно служенія литургіи соборне». Необходимость въ такихъ указаніяхъ и разъясненіяхъ объясняется тѣмъ, что служебникъ почти не даетъ наставленія какъ совершать литургію нѣсколькимъ священникамъ и діаконамъ. Въ немъ есть только три краткихъ замѣчанія на этотъ случай, именно—о возглашеніи ектеніи: «елицы оглашеніи изыдите» при двухъ діаконахъ, о поминовеніи на великомъ входѣ при трехъ или четырехъ священникахъ и о взаимномъ цѣлованіи по возглашеніи: «возлюбимъ другъ друга»... Съ другой стороны—сельскимъ священникамъ, особенно состоящимъ въ одноштатныхъ приходахъ, рѣдко приходится совершать литургію соборне. Отсюда у такихъ священниковъ естественно могутъ возникать затрудненія и недоумѣнія, когда имъ случится участвовать въ соборномъ служеніи.

Передадимъ порядокъ соборнаго совершенія литургіи, какъ онъ представленъ у о. Кутенова съ опущеніемъ подробностей, касающихся совершенія литургіи вообще, хотя бы однимъ священникомъ и съ нѣкоторыми своими примѣчаніями (подстрочными). При чтеніи входныхъ молитвъ предъ царскими вратами соблюдается слѣдующій порядокъ. Кто на какой сторонѣ св. престола стоитъ, тою выходитъ изъ алтаря и опять входитъ въ него. По прочтеніи молитвъ и тропарей Спасителю и Богоматери, всѣ прикладываются къ св. иконамъ. Послѣ молитвы, чтобы Господь укрѣпилъ на предстоящее служеніе. «Господи, испосли руку твою»... которую читаютъ, наклонивъ головы, всѣ священники кланяются другъ другу и предстоящему народу, испрашивая